

АЗБУКА-ФЭНТЕЗИ

КНИГИ ГЕНРИ ЛАЙОНА ОЛДИ:

ЦИКЛОП. Книга I. Чудовища были добры ко мне

ЦИКЛОП. Книга II. Король Камней

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга I. Волчонок

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга II. Волк

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга III. Вождь

КРЕПОСТЬ ДУШИ МОЕЙ (вместе с А. Валентиновым)

ШЕРЛОК ХОЛМС ПРОТИВ МАРСИАН

ПУТЬ МЕЧА

ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН

МЕССИЯ ОЧИЩАЕТ ДИСК

ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга I. Клинки Ойкумены

ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга II. Призраки Ойкумены

ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга III. Ангелы Ойкумены

МАГ В ЗАКОНЕ

ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕГО ХЕНИНГА

СИЛЬНЫЕ. Книга I. Пленник железной горы

СИЛЬНЫЕ. Книга II. Черное сердце

СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ

БЕЗДНА ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

БЫК ИЗ МАШИНЫ

БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.

Книга I. Отщепенец

КАБИРСКИЙ ЦИКЛ

БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.

Книга II. Беглец

ЧЕРНЫЙ БАЛАМУТ

БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.

Книга III. Сын Ветра

ОЙКУМЕНА: Кукольник. Куколка. Кукольных дел мастер

НЮАНСЕРЫ

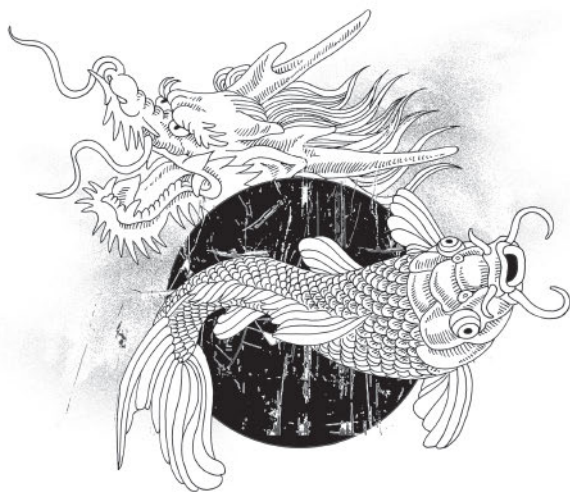
КАРП И ДРАКОН. Книга I. Повести о карме

КАРП И ДРАКОН. Книга II. Рассказы ночной стражи

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

КАРП И ДРАКОН

Книга II. Рассказы ночной стражи

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)-445
О 53

Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрации Александра Семякина

Иллюстрация на обложке Владимира Бондаря

ISBN 978-5-389-18316-2

© Г. Л. Олди, 2020
© А. В. Семякин, иллюстрации, 2020
© В. О. Бондарь, иллюстрация на обложке, 2020
© Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Великая радость — родиться среди людей. Тело наше слабое, но разве мы предпочли бы звериное? Дом беден, но жилью голодных духов он, уж верно, не уступает! Сердцу горько оттого, что оно тоскует, но со страданиями в аду это не сравнить. Поэтому есть чему радоваться — что родились среди людей.

Гэнсин. Проповедь в Ёкава

Пролог

Небо горело над монахом.

Я умираю, понял он. Небо горит, но я больше не вижу в нем пожара, сожравшего мой монастырь. Просто закат, солнце садится за гору. Да, я умру не сегодня. Это утешение?

Вряд ли.

О, храм Изначального Обета, великий Хонган-дзи в Исияма! Злосчастный Хонган-дзи! Счастливый Хонган-дзи, бессмертная птица *фушичо*¹, восставшая из пепла! Никогда больше я не увижу тебя. И это, вне сомнений, утешение. Я запомню тебя, моя обитель, такой, какой ты была в счастливые годы.

— Западный храм, — сказал демон. Трубка в его руке дымилась. — Прекрасное место, строительство уже завершается. Весной в Западный Хонган-дзи войдет новый настоятель, и это будете вы, святой Кэннэ.

— Это буду не я, — ответил монах.

— Почему же? Вам не нравится место? Только скажите, и я построю еще один Хонган-дзи. Если первый мы назвали Западным, второй мы назовем Восточным.

— Ваше великодушие может соперничать только с вашей щедростью. Мне нравится место, выбранное вами. Я восхищен искусством строителей. Моя признательность безгранична.

— Вы по-прежнему питаете вражду ко мне? Не хотите принять подарок? Десять лет — долгий срок; мне казалось, что наша вражда иссякла.

¹ *Фушичо* — японский феникс. Букв. «бессмертная птица».

— В моем сердце нет вражды. Все очень просто, Нобунага-сан. Не ищите сложных причин там, где есть простые. К тому времени, как храм будет завершен, я покину вас. Мертвецы не принимают даров, отказ мертвого — не оскорбление. Но мой дух возрадуется, когда в Западном Хонган-дзи воссядет новый настоятель.

— Вы, святой Кэннё, до сих пор зовете меня демоном. Не вслух, нет! Я читаю это в блеске ваших глаз, движении ваших губ. Ведь так?

Князь Ода Нобунага улыбнулся. Лицо его было лицом Акэти Мицухидэ, предателя и убийцы, чье тело князь носил с момента своей гибели в храме Хонно. Улыбка осталась прежняя, из прошлой жизни. Эта улыбка заставляла трепетать друзей и содрогаться врагов. Сейчас, когда Нобунага обрел титул сёгуна, всякий падал ниц, завидев лишь тень улыбки военного диктатора Чистой Земли.

Всякий, да. Но только не монах, над которым горели небеса.

— Это так.

Чай остыл, но Кэннё сделал глоток. Горло саднило, вчера монах простудился во время медитации. Никогда раньше болезнь не смела приблизиться к Кэннё, когда он медитировал. Все однажды происходит впервые: и жизнь, и смерть.

— Вы правы, я зову вас демоном-повелителем Шестого неба. Я зову вас так в память о великих годах. Я сам дал вам это имя, мне оно ближе всего.

Демон взял свою чашку. Чайный набор был сделан из пористой, грубо обожженной глины безымянным мастером, рожденным в Кути. На чайнике, если не вглядываться, можно было разобрать контур горы с белой вершиной. Стоило всмотреться пристальней, и гора исчезала, превращаясь в бессмысленный набор черточек и выпуклостей. Люди полагали, что это Фудзияма. Монах знал: это Акаяма, Красная гора, где ему явился будда Амида; знал это и демон.

Случайный человек отдал бы чашки с чайником слугам, побрезговав грубостью работы. Знарок отдал бы за этот набор годовое жалование самурая среднего ранга.

— Мне тоже, — демон рассмеялся. Лицо его сейчас походило на боевую маску. — Представляете? Это имя напоминает мне о молодости. Проклятый Акэти! Ему стоило убить меня пораньше. Нет, тело пришлось мне впору, жаловаться было бы неприлично. Хорошее, крепкое тело, закаленное в походах. Но он украл у меня шесть лет жизни! Моему духу пятьдесят восемь лет, а телу шестьдесят четыре. Вам знакома эта песня?

Князь вернул чашку на поднос. Пальцы Нобунаги зашуршали, отбивая ритм, словно воздух превратился в барабан:

Человеку суждено
Жить под небом лишь полвека,
Наш бранный мир — сон...

Монах поднял взгляд к пламени заката. Подхватил, стараясь не закашляться:

Наш бранный мир — сон,
Напрасный обман,
Жизнь дается нам один раз,
Весь мир подвластен смерти...

Они сидели на склоне, под открытым небом. Настоящие холода еще не наступили, но трава пожухла. Выше росли сосны, скрученные в замысловатые узлы, и молодые клены. В соснах, не желая мешать беседе, прятались телохранители: те, кто пришел с Кэннэ, и те, кто явился с князем. Их было легко различить: молодые самураи охраняли жизнь сёгуна, старики сопровождали монаха. Кэннэ не менял телохранителей с того дня, когда впервые увидел будду Амиду. Зачем? Кто поднимет руку на святого бодисаттву¹, чьим молитвам внимает будда? Да и вообще, ко-

¹ *Бодисаттва* — святой, стремящийся спасти всех живых существ от страданий.

му взбредет в голову покушаться на обитателя Чистой Земли, зная, что убитый воскреснет в убийце? Собственно, в молодости и боевом умении княжеских самураев тоже было мало проку. Так, дань высокому положению.

Телохранители Кэннэ присутствовали при явлении будды. Если монаху временами казалось, что он видел сон, а может, сошел с ума, один взгляд на охрану — на старость, утратившую смысл существования, — да, этот взгляд возвращал его в реальный мир.

— Моему духу сорок девять лет, — сказал монах, закончив песню. — Моему телу сорок девять лет. Человеку суждено жить под небом лишь полвека. Я — живое подтверждение этих стихов, Нобунага-сан. Я скоро умру, можете в этом не сомневаться. Вы же проживете еще немало лет.

— Сколько? — быстро спросил демон.

— Не знаю.

— Не знаете или не скажете?

— Не скажу. Могу лишь дать совет: не задерживайтесь с объявлением наследника. Еще лучше, если вы передадите титул сёгуна до конца года. Ваш сын, молодой господин Нобукацу, вполне способен принять бремя правления. Нобунага-сан, вы проживете достаточно, чтобы поддержать его на первых порах мудростью и опытом. После вас рядом с ним останутся смелые полководцы и мудрые советники. Это все, что я открою вам.

— Прекрасное время, — ответил демон, любуясь кленами.

— Вы правы, — согласился Кэннэ.

Еще вчера желтые, листья кленов стремительно краснели, тронутые зябким северным ветром. Некоторое время монах и князь молчали, отдавая дань традиции *момидзигари* — охоте за кленовыми листьями. Наслаждение от прекрасного зрелища усиливалось тем, что между кленами тут и там росли высокие рябины, чьи листья тоже были желтого и красного цвета.

— Западный Хонган-дзи. — Демон взмахнул рукой, словно указывая направление. — Люди будут приходить к новому храму, чтобы взглянуть на осенние клены. Впрочем, я больше люблю проводить это время года в ущелье Сандан. Зарево из листьев бушует на фоне пяти водопадов, напоминая мне эпоху великих битв. Листва плывет по течению, окрашивает реку кровью. Вам известно, что один из водопадов Сандана зовется Вратами Дракона?

Монах кивнул.

— Если вы и впрямь решили умереть, святой Кэннэ, я поставлю настоятелем Хонган-дзи вашего сына. Какого из двух?

— Младшего, — без колебаний ответил монах. — Хочу вас предупредить, Нобунага-сан, что старший не уступит без сопротивления. Полагаю, он захватит место настоятеля, даже если в завещании я укажу младшего. Понадобится ваше вмешательство — ваше или вашего наследника.

— Можете не сомневаться, почтенный бодисаттва. Я исполню вашу волю в точности. Настоятелем Западного Хонган-дзи станет тот, кого вы назвали мне. Как мне поступить со старшим сыном?

— Водопад. — Монах откинулся на подушки. Спина болела, сидеть было тяжело. — Врата Дракона, да?

Смех демона был ему ответом.

— От вас ничего не скроешь, святой Кэннэ. Да, я учредил службу Карпа-и-Дракона. Ее обязанностью будут дела, связанные с подтверждением фуккацу. Также дознаватели и архивариусы займутся разбирательствами по поводу случаев, заслуживающих особого внимания. Вы видите своего старшего сына во главе этой службы?

— Благодарю вас, Нобунага-сан. Ваша проницательность выше любых похвал.

— Моя проницательность ничто перед вашим прозрением. Люди станут приходить на вашу могилу, возжигать благовония и просить вас снизить к их просьбам.

— Нет, не станут. Я умру здесь, в Акаяме, мой прах развеют над морем. Только настоятель храма Вакаикуса

и его преемники будут знать об этом, да еще вы. В алтаре поставят табличку с моим детским именем Коса. Вряд ли она кого-нибудь заинтересует. Если хотите, сделайте мне ложную могилу в Западном Хонган-дзи. Пусть люди приходят, пусть просят. Мне все равно, мой дух не услышит их просьб. Я хочу покоя, Нобунага-сан. Я знаю, что покой — иллюзия, и все равно хочу. Надеюсь, вы простите мне эту слабость. Вы победили, демон-повелитель. Вы разбили врагов и меня в том числе, вы основали сёгунат и династию. Я ничем не могу вам помешать, не могу и не имею такого желания.

Кэннэ наклонился вперед, борясь с болью в спине:

— Это ли не победа? Я признаю свое поражение.

— Вы победили, бодисаттва, — после долгого молчания ответил демон. — Я умер и воскрес в новом теле. Это случилось благодаря дару будды, который был ниспослан вам, не мне. Войны прекратились, убийства прекращаются, и это ваша заслуга. Это ли не победа? Я признаю свое поражение.

— Если мы оба победили, — спросил монах, — откуда взяться поражению?

Князь взял пустую чашку, повертел в руках.

— Вот мы сидим с вами, демон и бодисаттва. — Кажется, весь мир сошелся для Оды Нобунаги в этой чашке. — Я вынужден быть демоном, преисполненным силы и гнева. Таково мое положение и обязанности. Вы вынуждены быть бодисаттвой, источником милосердия и сострадания. Таково ваше положение и обязанности.

— Кто же нас вынудил к этому?

— Мы сами, кто еще? Я не знаю никого сильнее нас самих.

* * *

Каждую последующую осень, в те дни, когда листва кленов из желтой делается красной, князь Ода приезжал в Акаяму. С малой свитой он шел в храм Вакаикуса, сажался у алтаря, где для него заранее выставляли табличку

— Я хочу покоя, Нобунага-сан.
Я знаю, что покой — иллюзия, и все равно хочу.

с поминальным именем Коса, и молчал. Намолчавшись вдоволь, бывший сёгун отправлялся туда, где росли сосны, скрученные в узлы, и рябины с двуцветными кронами. Там он пил чай в одиночестве.

— Если мы оба победили, — спрашивал Ода Нобунага, глядя в небо, — откуда взяться поражению?

И отвечал сам себе:

— Да откуда угодно!

Таких поездок ему выпало шесть.

**ПОВЕСТЬ
О СТАЛЬНЫХ МЕЧАХ
И ГОРЯЧИХ СЕРДЦАХ**

В каждом человеке живет зверь. Хищный, беспощадный, далекий от милосердия. Он будет убивать, если голоден, ибо все есть пища. В каждом человеке живет будда. Он оправдает этого зверя, что бы тот ни совершил, ибо все есть иллюзия. В каждом человеке живет судья. Он осудит этого зверя на казнь и муки, если увидит его в другом человеке, ибо все есть преступление, кроме совершенного нами. Эти трое снятся мне по ночам.

Содзю Иссэн из храма Вакаикуса. Записки на облаках

Глава первая

МЕРТВЕЦ, ДЕМОН И Я

1

«Белые слезы неба»

Редкие снежинки кружились в ночи. Снежинки? Гейши, танцующие перед знатными клиентами. Морозный воздух был прозрачен до звона. Повсюду сверкали искры, дети ущербной луны. На углу Оониси, Большой Западной улицы, и безымянного проулка, стиснутого с обеих сторон глухими заборами, старшина караула Торюмон Хидео задержался, желая полюбоваться изысканным зрелищем. В свете фонаря, что нес стражник Нисимура, возглавлявший караул, снежинки смотрелись иначе.казалось, масло, горящее в фонаре, вытапливает из них все очарование.

Лисий хвост отсвета, заметавший путь стражников на снегу, втянулся за угол. Стих мерный скрип удаляющихся шагов.

— Хидео-сан?

— Иду.

Старшина испытал легкий укол раздражения и нахмурился, досадуя на самого себя. Это служба. Обязанность патруля — ночной обход квартала. Негоже командиру отвлекаться на всякие глупости, теряя из виду подчиненных. Икэда его окликнул? Икэда прав. А он, Хидео, не прав, и раздражение его недостойное.

Вывернув из-за угла, он поднял ладонь, защищая глаза от света.

— Что-то заметили?

— Нет, ничего.

— Идем дальше.

Проулок был узкий — едва-едва двоим разминуться. Протискиваться вперед старшина не стал. Первым, как и раньше, топал Нисимура Кэро с фонарем, за ним — Икэ-да Наоки; Хидео — замыкающий. Холод покусывал нос и щеки, вынуждая кровь приливать к лицу. Холод — и стыд, который преследовал Хидео уже больше месяца. Да, в том, что произошло, нет его вины. Иди речь только о нем, новое назначение его бы несколько не смутило. Но при чем здесь товарищи по службе?

Конечно, господину Хасимото виднее. На то он и начальник городской стражи.

Переговоры между сенсеем Ясухирос и господином Хасимото успешно завершились в конце осени. Если быть точным, *почти* завершились. Разумеется, Хидео делал вид, что знать не знает о регулярных встречах двух уважаемых людей, а если и слышал что-то краем уха, то его совершенно не интересуют досужие слухи. Он даже убедил в этом самого себя. Но последняя встреча, которая должна была подвести итог переговорам, долгим и деликатным...

Она не состоялась.

Ясухирос Кэзуо на нее не явился, что было совсем не в духе сенсея. Господин Хасимото проявил достойную всяческого уважения выдержку, ожидая, когда глава школы, принеся подобающие извинения, назначит новую встречу. Извинения от имени отца в итоге принес сын сенсея Цуйёши, — похоже, молодой мастер сделал это по собственной инициативе, желая сохранить отцу лицо.

Новую встречу сенсей не назначил.

Ясухирос-старшего как подменили. Внук Хидео... то есть сын, рассказывал... Старшина сморщился от досады. За прошедшие шесть месяцев он приучился думать о себе как о мужчине. О жене он тоже теперь думал правильно, тем более что для этого имелось обстоятельство, весьма

способствующее верному ходу мыслей. А вот с Рэйденом путался, называя парня то сыном, то внуком.

Не вслух, конечно. За своим языком старшина караула следил с особой тщательностью.

Короче, что бы ни происходило с Ясухино-старшим, господин Хасимото устал ждать. Он принял решение и перевел Торюмона Хидео с заставы на Северном тракте в ночную городскую стражу: патрулировать квартал, примыкающий к порту, через две ночи на третью.

С одной стороны, это был тонкий намек сенсею, если тот одумается. Неужели вы, Ясухино-сан, так мало цените человека, которого хотели заполучить в свое *додзё*? Вот, полюбуйтесь, к чему привела ваша необязательность! Бить ноги по ночам в портовых закоулках — это вам не досмотр путников на тракте. С другой стороны, начальник сохранил за Хидео прежнюю должность и жалованье. Это был знак старшине: лично вы, Хидео-сан, ничем передо мной не провинились. И наконец, новый распорядок дежурств позволял с легкостью совмещать службу и занятия в *додзё* семьи Ясухино, если переговоры двух высоких сторон в итоге завершатся к общему удовольствию.

Мудрость господина Хасимото смущала старшину караула лишь одним. Вместе с ним в ночную стражу перевели и его сослуживцев по заставе. Да, с сохранением должности, жалованья и выслуги. Но, как уже говорилось, бить ноги по темноте...

Хидео чувствовал себя виноватым. Понимание, что он не в силах повлиять ни на поведение сенсея Ясухино, ни на решение господина Хасимото, утешало слабо. Слабо? Совсем оно не утешало.

* * *

Проулок вывел их к причалам.

Тихо, пусто. Стылое море отблескивает лунным серебром. У пристани качаются на пологой зыби пришвартованные лодки. Шелест волн подчеркивает безмолвие зим-

ней ночи, объяввшее мир. Снег тонким слоем припорошил причалы. На девственной белизне темная груда тряпья выглядит особенным уродством.

Почему снег не присыпал эту кучу? Не потому ли, что она появилась здесь совсем недавно?

— За мной!

Хидео решительно направился к подозрительному тряпью. И остановился, не дойдя до цели пары шагов. Сопевший над ухом Нисимура поднял фонарь повыше. В рыжеватом свете груда обрела очертания человеческого тела. Налетел порыв ветра, пламя в фонаре дрогнуло. Хидео на миг почудилось: человек, распростертый на снегу, шевельнулся.

Нет, показалось.

Грубый балахон подпоясан разлохмаченной веревкой. Раскинутые в стороны ноги обмотаны грязными лохмотьями. На одной — ветхая сандалия из соломы. Вторая сандалия валяется рядом. Левая рука безвольно откинута в сторону. Правая вцепилась в балахон на груди, под самой шеей. Пальцы судорожно скрючены.

Взгляд прилип к этой руке. Взгляд не желал подниматься выше. Пришлось сделать над собой усилие. Вокруг шеи и головы покойника растеклась глянцево-бурая лужа. Кровь. Много крови. Горло человека было рассечено надвое: в плоти зияла черная расселина.

Лицо?

Лица у трупа не было. Тряпка, намотанная на голову мертвеца, частично размоталась, открывая взгляду серую морщинистую плоть.

— Каонай! — выдохнул Икэда.

— Да, — подтвердил старшина. — Это безликий.

И с облегчением перевел дух.

Каонай — не человек. Таких убивать дозволено. Никакой ответственности перед законом, а главное, никакого фуккацу. Тем не менее убивают каонай редко. Брезгуют. Да и зачем? Если что не так, всегда можно отходить

безликого палкой или плетью. Пусть знает свое место, выкидыш кармы! Еще руки об такого марать...

Кто-то не побрезговал? Его дело. В любом случае убийство каонай не преступление. Ничего не произошло, обход вскоре продолжится.

— Что делать будем, Хидео-сан?

— Сейчас я напишу записку. Нет, две записки.

Хидео подышал на озябшие руки, полез в сумку, где хранил письменные принадлежности. У старшины караула они всегда должны быть при себе.

— Кому? — удивился Икэда.

— Для начала в службу Карпа-и-Дракона.

— Зачем, Хидео-сан?

Старшина не ответил, занятый письмом. Зимняя, она же «походная» тушь более густая. Ее замешивают на масле с добавлением желе из водорослей, чтобы не замерзала. Писать такой тушью сложнее, чем обычной летней. Тут не до разговоров.

Закончив, Хидео помахал записками в воздухе, а когда тушь застыла, вручил листки сослуживцам.

— Эту оставить при теле.

— Для кого?!

— Для уборщиков трупов.

— Они же неграмотные!

— Отнесут своему старосте, он прочтет. Я написал, чтобы тело не сжигали до часа Лошади¹.

Не скрывая раздражения, Нисимура переводил взгляд с записки на труп и обратно. О брезгливости Нисимуры в страже ходили легенды. Наконец он поставил фонарь на снег и присел на корточки рядом с телом, так чтобы ни в коем случае не коснуться мертвеца или, того хуже, не замараться в натекшей вокруг крови. Записку, сложенную вдвое, Нисимура ухитрился вставить меж скрюченных пальцев покойника, не дотронувшись до них. Листок накрепко застрял в мертвых пальцах. Порывы ветра, на-

¹ *Час Лошади* — примерно с 12 до 14 часов дня.

летая с моря, трепали его, но вырвать не могли. С темного неба продолжали сыпаться снежинки, колкие и сухие.

Не размокнет, решил Хидео.

— Вторую записку на обратном пути отдадим страже у входа в правительственный квартал. Икэда-сан, займитесь. Скажите, пусть передадут чиновнику Карпа-и-Дракона.

— Какому?

— Любому. Первому, кого увидят с утра.

— Слушаюсь, Хидео-сан!

Икэда был рад, как дитя, что ему досталась вторая записка. Оскверниться прикосновением к мертвецу? Лучше вспороть себе живот! Да, ему придется дать изрядный крюк, возвращаясь домой с дежурства, но это лучше, чем иметь дело сдохлым каонай!

Что во второй записке, а главное, при чем тут служба Карпа-и-Дракона, Икэда не спросил. С какой стати достойному стражнику интересоваться чем-то, касающимся безликой падали? Вот еще!

От трупы к портовым складам уходила цепочка следов. Хидео пригляделся. Следы были от деревянных гэта: короткие парные полоски, стежки черных ниток на белом покрывале. Десять шагов, одиннадцать. На двенадцатом шагу убийца остановился, прямо в снегу вывел иероглифы; наверное, палкой:

Пали на землю
Белые слезы неба.
Скрип под ногами.

Хидео махнул рукой:

— Идем. Здесь больше делать нечего.

К складам они не пошли. Там есть свои сторожа, это их территория. Да и зачем? Убийца каонай не преступник. Не вор, не контрабандист, не мошенник. Может, это один из складских сторожей. Убил, вернулся на свой пост и продолжил нести службу.

Ветер стих, едва ночная стража отделилась от моря.

«Скажут, ваш мертвец или не ваш»

Холодно.

Проснуться зимой — худшее из зол.

«Зимой — раннее утро, — повторял настоятель Исээн, цитируя записки какой-то придворной дамы. Имелось в виду, что раннее зимнее утро достойно всяческих восторгов. — Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен. Белый-белый иней тоже».

Я удивлялся. Спрашивал у старика, в своем ли уме восхищенная дама. Исээн пожимал плечами. Отвечал, что не знает, поскольку дама скончалась давным-давно. Замерзла, уверяю вас. Окоченела во дворце, испытывая тонкие чувства. Свежий снег прекрасен, надо же! В моей комнате окон нет, но я чую спиной и ягодицами, что двор замело. Снег подступил к стенам, обложил сугробами доски и камень. Пушистые шапки висят на деревьях.

Брр! Едва пошевелюсь, кожу стягивает узлами даже под одеялом.

— Но чудесно и морозное утро без снега, — бормочу я синими губами. Восторг дамы въелся в память намертво, помню до последнего слова. — Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли — так и чувствуешь зиму...

Никто не зажигает, никто не вносит. Так и чувствую зиму!

— К полудню холод отпускает...

Ну да, конечно. До полудня еще дожить надо.

— И огонь в круглой жаровне гаснет под слоем пепла, вот что плохо!

Тут мы с дамой единокорны. Вот что плохо! Дом наш отапливается одним-единственным очагом в комнате родителей, ко мне его тепло если и добирается, то лишь в моем воображении. Дрова жечь нельзя, угорим, приходится жечь древесный уголь, а он дорог. Матушка с отцом, когда он не в патруле, спят, прижавшись друг к другу. Мне прижиматься не к кому, у нас даже кошки нет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
--------------	---

ПОВЕСТЬ О СТАЛЬНЫХ МЕЧАХ И ГОРЯЧИХ СЕРДЦАХ

Глава первая. Мертвец, демон и я	17
Глава вторая. Смерть на перекрестке	33
Глава третья. Два меча и двое отшельников	52
Глава четвертая. Бамбуковая роща	68
Глава пятая. Мост из пирожков	84
Глава шестая. Богомол тычет соломинкой	102
Глава седьмая. Настоящий бой	117

ПОВЕСТЬ О ДЕРЕВЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ И ПОСЛАНЦЕ НЕБЕС

Глава первая. Мельник и гейша	139
Глава вторая. Гейша и дочь аптекаря	158
Глава третья. Путь меняет все	173
Глава четвертая. Большой Брат и посланец небес	189
Глава пятая. Могильный камень семьи Такенучи	206
Глава шестая. Бамбук растет крестом	224
Глава седьмая. Скверное имя	241
Глава восьмая. Небесный Хэрай	254
Глава девятая. Катастрофа, случившаяся по вине человека	267

ПОВЕСТЬ О ЛИЦАХ ПОТЕРЯННЫХ
И ЛИЦАХ ОБРЕТЕННЫХ

Глава первая. Клецки важнее цветов	289
Глава вторая. Вороны и павлин	307
Глава третья. Покоритель варваров	321
Глава четвертая. Дракон и тигр	337
Глава пятая. Лиса и ворон	349
Глава шестая. Боги не терпят измены	364
Глава седьмая. Награда по заслугам	378
Глава восьмая. Вид лица его изменился	391

Олди Генри Лайон

О 53 Карп и дракон. Книга II : Рассказы ночной стражи : роман в повестях / Генри Лайон Олди. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с. : ил. — (Азбука-фэнтези). ISBN 978-5-389-18316-2

Торюмон Рэйдэн — самурай из Акаямы, младший дознаватель службы Карпа-и-Дракона. Его дела — случаи насильственных смертей и воскрешений. Убийца жертвует свое тело убитому, так-ков благородный закон, дарованный буддой Амидой в эпоху великой резни. Но люди не были бы людьми, если бы не пытались вывернуть любой закон наизнанку, приспособить к своим корыстным желаниям. А значит, жизни молодого самурая тоже грозит опасность.

Вторую книгу романа «Карп и дракон» составили «Повесть о стальных мечах и горячих сердцах», «Повесть о деревенском кладбище и посланце небес» и «Повесть о лицах потерянных и лицах обретенных».

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)-445

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
КАРП И ДРАКОН
Книга II. Рассказы ночной стражи

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.05.2020. Формат издания 84 × 108 1/32.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Авторский интернет-магазин «Мир Олди»:
<http://www.oldieworld.com>

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-FAF-26987-01-R